

Прочитайте приведённый ниже фрагмент произведения и выполните задание.

Вошел Жаффе. На нем был белоснежный халат, на котором еще не разгладились складки от утюжки. Но когда он подсел ко мне, я заметил на внутренней стороне правого рукава маленькое алое пятнышко крови.

Я немало повидал крови в своей жизни, но это крохотное пятнышко подействовало на меня куда более угнетающе, чем все пропитанные кровью повязки. И моей уверенности как не бывало.

— Я обещал вам рассказать, как обстоят дела у фройляйн Хольман, — сказал Жаффе.

Я кивнул, глядя на пеструю плюшевую скатерть. Я не мог оторвать глаз от переплетения шестиугольников на ней, про себя идиотски решив, что все оборвется, если только я не моргну до тех пор, пока Жаффе заговорит снова.

— Два года назад она шесть месяцев провела в санатории. Вы знаете об этом?

— Нет, — сказал я, по-прежнему глядя на скатерть.

— После этого ее состояние улучшилось. Теперь я ее тщательно исследовал. Этой зимой ей непременно следует снова поехать туда. Ей нельзя оставаться в городе.

Я все еще смотрел на шестиугольники. Они уже начали расплываться и танцевать у меня перед глазами.

— Когда нужно ехать? — спросил я.

— Осенью. Самое позднее — в конце октября.

— Значит, кровотечение не было случайным?

— Нет.

Я оторвал глаза от скатерти.

— Вероятно, мне не нужно рассказывать вам о том, — продолжал Жаффе, — что эта болезнь непредсказуема. Год назад казалось, что процесс остановился, произошло инкапсулирование, и можно было предположить, что очаг закрылся. И так же, как недавно, процесс неожиданно возобновился, он может в любой момент столь же внезапно прекратиться. Это не просто слова — так действительно бывает. Я сам наблюдал случаи удивительного исцеления.

— Но и ухудшения тоже?

Он посмотрел на меня.

— И это тоже, конечно.

Он стал входить в детали. Оба легкие были поражены, правое меньше, левое больше. Потом, прервавшись, он позвонил в звонок. Появилась сестра.

— Принесите-ка мой портфель.

Сестра принесла то, что требовали. Жаффе вынул из портфеля два огромных похрустывающих конверта с фотоснимками. Он извлек их и поднес к окну.

— Так виднее. Это рентгеновские снимки.

На прозрачной серой пластинке я увидел сплетения позвоночника, лопатки, ключицы, плечевые суставы и плоские сабли ребер. Но я увидел больше — я увидел скелет. Он как темный призрак проступал на фоне бледных, расплывающихся пятен снимка. Я увидел скелет Пат. Скелет Пат.

Взяв пинцет, Жаффе стал указывать мне на отдельные линии и пятна, объясняя, что они значат. Педантизм ученого овладел им настолько, что он даже не заметил, что я не смотрю на снимок. Наконец он обратился ко мне:

— Вы поняли?

— Да, — сказал я.

— А что же у вас такой вид?

— Нет, нет, ничего, — сказал я, — просто я плохо вижу.

— Ах вот что. — Он поправил очки. Потом снова засунул снимки в конверты и испытующе посмотрел на меня. — Не забивайте себе голову бесполезными размышлениями.

— Я этого и не делаю. Но что за напасть проклятая! Миллионы людей здоровы! Почему именно она должна быть больна?

Жаффе помолчал.

— На этот вопрос вам никто не ответит, — сказал он потом.

— Да, — воскликнул я в порыве горького и слепого бешенства, — на этот вопрос никто не ответит! Разумеется! Кто в ответе за людские страдания и смерть! Вот ведь проклятие! Главное — ничего нельзя сделать.

Жаффе долго смотрел на меня.

— Простите, — сказал я. — Но я не умею обманывать себя. Вот в чем весь ужас.

(Эрих Мария Ремарк «Три товарища», 1936 г.)

К какому литературному жанру относится произведение, фрагмент из которого приведён?